

А. Кирпичников.

Пушкин, Александр Сергеевич

-- величайший русский поэт, род. 26 мая 1799 г., в четверг, в день Вознесения Господня, в Москве, на Немецкой улице. О своих предках по отцу он пишет в 1830--31 гг.:

"Мы ведем свой род от прусского выходца *Радиш* или *Рачи* ("мужа честна", говорит летописец, т. е. знатного, благородного), въехавшего в Россию во время княжения св. Александра Ярославича Невского... Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Иоанна Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович (ошибка; надо читать Гаврило Григорьевич) П. принадлежал к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой П., во время междоусобицы, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*. Четверо П. подписались под грамотой об избрании на царство Романовых, а один из них, окольный Матвей Степанович -- под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре Первом сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре против государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой, Александр Петрович, был женат на меньшей дочери графа Головина, первого андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии и в 1762 г., во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость, где содержался два года. С тех пор он уже в службу не вступал, а жил в Москве и в своих деревнях. Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постель всю разряженную и в бриллиантах. Все это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорил о странностях деда, а старые слуги давно перемерли" (изд. литературного фонда, V, 148--149).

Отец поэта, Сергей Львович (1771 -- 1848), как и старший брат его, поэт Василий Львович (1770--1830), не имел по характеру ничего общего с дедом. Получив блестящее по тому времени образование, т. е. овладев не только французской прозаической речью, но и стихом, и поглотив все выдающееся во французской литературе XVII и XVIII веков, он на всю жизнь сохранил страсть к легким умственным занятиям и к проявлению остроумия и находчивости во всяких *jeux de soci* ИИ; зато также всю жизнь он оказывался неспособным к практическому делу. Он был в малолетстве записан в Измайловский полк, потом при Павле переведен в гвардейский егерский, и очень тяготился несложными обязанностями гвардейского поручика. Женившись в ноябре 1796 г., он подал в отставку и стал пользоваться совершенной свободой, сперва в Петербурге, где 20 декабря 1797 г. родился у него первый ребенок -- дочь Ольга (впоследствии Павлищева), а потом (с 1799 г.) в Москве и в подмосковном имении своей тещи, сельце Захаровке. Управление домом он всецело предоставил жене, а заведование имениями -- управляющим и приказчикам, которые обкрадывали его и разоряли мужиков. Сергей Львович терпеть не мог деревни, если она не походила на подгородную дачу; проживая в собственных имениях (в иные, впрочем, он никогда и не заглядывал), он проводил все время у себя в кабинете за чтением. Дома вспыльчивый и раздражительный (когда обстоятельства принуждали его заняться детьми или хозяйством), он при гостях делался оживленным, веселым и внимательным. По выражению Анненкова, у него не было времени для собственных дел, так как он слишком усердно занимался чужими. Он до старости отличался пылким воображением и впечатлительностью, доходившей до смешного. Обыкновенно расточительный и небрежный в денежных делах, он временами становился мелочно расчетливым и даже жадным. Он был способен острить у смертного одра жены -- зато иногда от пустяков разливался в слезах. Никому не мог он внушить страха, но зато никому не внушал и уважения; приятели любили его, а собственным детям, когда они подросли, он часто казался жалким, и сам настойчиво требовал от них, чтобы они опекали его, как маленького ребенка. Его любимая поговорка: *que la volunt* И *du ciel soit faite* вовсе не была выражением искренней веры и готовности подчиниться воле Провидения, а только фразой, которой он прикрывал свой эгоистический индифферентизм ко всему на свете.

Мать П., Надежда Осиповна Ганнибал (1775 -- 1836), была на 4 года моложе мужа. Основателем ее фамилии был "арап Петра Великого", абиссинский князек, Абрам Петрович Ганнибал (см.). Он умер в